

ГНОСТИЦИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИОСОФСКИХ МОТИВОВ В ЗАПАДНОЙ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

*Соболевский Артём Евгеньевич,
Кубанский государственный
университет, г. Краснодар*

E-mail: surrealisticarnival@gmail.com

Аннотация. В данной статье автором предложена радикальная стратегия интерпретации исторического процесса, основанная на расширительном толковании понятия «гностицизм». Дотошная ревизия ряда концептуальных схем, возникших в западной неклассической философии истории в связи с кардинальным пересмотром означенного понятия, призвана наглядно продемонстрировать неисчерпанность их потенциала и перспективность избранного подхода в целом, обусловленную, во-первых, достаточной универсальностью представленных смысловых конструкций, а во-вторых, их оригинальностью, позволяющей взглянуть на исторический процесс по-настоящему остранённо.

Ключевые слова: позднеантичный гностицизм, средневековый «гностицизм», хилиазм, сингулярианство.

Пусть отправным пунктом исследования послужит тезис о том, что современность является ареной противостояния двух рецидивировавших типов гностического мировидения. Безусловно, те конкретные исторические формы, в которых они находят своё выражение в современности, всецело продиктованы историческими условиями, и подчас резко контрастируют, а то и прямо противоречат нашим привычным и стереотипным представлениям о гностицизме. Однако, их сущность остаётся прежней и нетронутой временем. Впрочем, для того, чтобы понять, как подобное положение дел стало возможным, и конкретизировать вышесказанное, необходимо обратиться к пёстрой и изобилующей неожиданными поворотами истории гностицизма.

Гностицизм возник на заре нашей эры, в интеллектуальной атмосфере беспокойной во многих отношениях эпохи. В нём, как в зеркале, отразились духовные искания того тревожного времени. Гностицизм никогда не был

монолитным явлением: он распадается на множество доктрин и учений, течений и движений, школ и сект. Однако, можно обозначить единый комплекс идей, общий для всех гностических движений эпохи, которые, к слову, могли чрезвычайно далеко расходиться между собой в частности. Это: доминантные для всех гностических движений мотивы заброшенности, покинутости, оставленности и фундаментальной отчуждённости; глубокое презрение к профанному миру и отвращение к его творцу, Демиургу, на практике оборачивающееся либо предельной минимизацией всех контактов с миром, находящей выражение в самоистязании ригоризма, либо в разнузданном аморализме и либертинизме; радикальная ориентированность на трансцендентный мир и трансцендентного Бога, непостижимого, непознаваемого, невыразимого. Идея спасения, для всех гностиков, за малым, да и то — оговорочным исключением, неразрывно связана с идеей гнозиса, эзотерического знания сокровенных тайн бытия: причем, оно может как обладать самоценностью, отождествляясь со спасением, так и быть драгоценным средством, без которого подлинное спасение недостижимо.

В конце концов, гностическая идея в целом, успевшая стать одним из самых заметных факторов духовной и социокультурной жизни первых веков нашей эры и даже небезуспешно конкурировавшая на первых порах с христианством, потерпела сокрушительное историческое поражение. Создание дихотомической концепции «двух Градов», ставшей осью теологии истории Блаженного Августина, имевшего в своей биографии неприглядный факт решительного погружения в универсум манихейских идей, приобретало значение символического акта окончательного преодоления гностицизма. Как тогда казалось, гностическая идея была сдана в архив истории за ненадобностью, как израсходовавшая свой ресурс и исчерпавшая потенциал.

История наглядно продемонстрировала поспешность и преждевременность подобных выводов. Гностицизм, существенно пересмотренный во всём многообразии своих аспектов и видоизменённый едва ли не до полной неузнаваемости, снова вышел на авансцену истории спустя всего несколько веков после гневных отповедей и эмоциональных инвектив в его адрес со стороны его именитых критиков, выражавших позицию ортодоксии. Первые признаки надвигающегося «гностического ренессанса», по мнению Вёглина, имплицитно содержатся уже в сочинениях Эриугены. Однако, дело подлинного возвращения гностицизма на историческую орбиту тесно связано с фигурой Йоахима Флорского, разработавшего концепцию «тринитарной» эсхатологии. Безусловно, его схема мировой истории ещё не была свободна от атавистических элементов, а сама попытка начертания подобной схемы была ещё достаточно робкой и непоследовательной, но все эти недостатки с лихвой компенсировались удивительной формой, открывавшей фантастически широкие перспективы

легитимации прометеевского стремления к переносу центра тяжести из трансцендентного мира в мир имманентный. Конкретное содержание, вложенное Иоахимом в эту форму, оказалось иррелевантным и глубоко вторичным, т.к. оно не было простым производным и необходимым логическим следствием из первичного прометеева импульса, а следовательно, было продуктом амбивалентности мышления, сублимировавшего свою мучительную неопределённость в эклектичный механический синтез из элементов, отвечавших духу революционной формы, и элементов, чей акцидентальный характер был завуалирован лишь минимально (в частности, идея сверхъестественного схождения духа, которой будет ознаменован третий период мировой истории).

Резюмируя, можно сказать, что концепция «тринитарной» эсхатологии Иоахима Флорского имманентно заключала в себе предпосылки к элиминированию измерения трансцендентного. Очевидно, универсальность её формы, как это часто бывает, во-многом обеспечивалась её промежуточным и переходным характером. Именно такая концептуальная форма была предметом напряжённых исканий западноевропейской цивилизации, ведущие государства которой были воодушевлены успехами экспансионистской политики. Со временем она стала проективной моделью для движений, которым было суждено изменить облик западного мира раз и навсегда: прогрессизма, сциентизма, позитивизма, либерализма, коммунизма, фашизма, и даже дарвинизма и психоанализа. Что является общим для этих разнородных явлений? Что их объединяет? Несомненно, неустрашимое хилиастическое стремление, фанатичная жажда «имманентизации эсхатона», историзации заветного предела, исходящая из недр их существа. И здесь надо дополнительно акцентировать внимание на том, что это безумное хилиастическое стремление является модусом их существования, без которого они беспомощны и несостоятельны. Вампирический характер существования большинства из них, проявляющийся в том, что они испытывают жизненную потребность в мобилизации всё большего и большего и количества человеческих ресурсов во имя сомнительной цели, обычно преподносимой в качестве земного рая или посюсторонней утопии, постепенно кристаллизуется в самостоятельный феномен, единственным законом которого становится мобилизация во имя мобилизации, а именно: тоталитаризм в качестве закономерного финала модернистского проекта. Осчастливить принудительно — таков *modus operandi* описанного типа гностического мировидения.

Неудивительно, что такого рода процессы, по своей интенсивности и масштабам сравнимые разве что с тектоническими движениями, вызвали акцентированную ответную реакцию, пробудили, казалось, бесповоротно преданную забвению могущественную силу. Этой силой выступил

«исторический» гностицизм.

Пришло время вернуться в начало исследования и сделать несколько уточняющих комментариев. Прежде всего, следует обратить своё внимание на тот примечательный факт, что наследники «исторического» гностицизма, гностицизма позднеантичного, гностицизма в собственном смысле этого слова находятся в непримиримой и бескомпромиссной оппозиции к современности, силовые линии которой имеют отчётливый шлейф средневекового «гностицизма». Более того, они нередко оказываются вытесненными в маргиналии современности. Под такими «духовными наследниками» гностицизма я понимаю широкий спектр представителей антимодернистического мироощущения: философов (Хайдеггера, Шпенглера, Шмитта, и т. д.), социологов (Зомбарта, Хаусхофера, и т. д.), культурологов (Элиаде), литераторов (Юнгера, Бенна, Гамсуна, Паунда, Элиота, и т. д.), эзотерических мыслителей традиционалистического толка (Генона, Эвола, и т. д.).

Постараемся теперь ответить на вопрос, приобретающий ключевое значение в контексте данной работы: вопрос о причине столь глубокого и непреодолимого антагонизма между двумя гностическими традициями. Поверхностный взгляд на проблему не обнаруживает рациональных доводов в пользу конфликта; напротив, выясняется, что эти две гностические традиции сближает модальность их отношения к миру: и в том, и в другом случае он оказывается совершенно неприемлемым. Но где же тогда пролегает демаркационная линия между ними? По всей видимости, точкой бифуркации является реакция на текущее состояние мира: если позднеантичный гностицизм склонен занимать здесь позицию, скорее, деонтологизирующего нигилизма, то есть, смотреть на мир как на нечто фундаментально, непоправимо дефектное, то гностицизм более поздней формации основан на переработке негативных переживаний, имеющих своим источником несовершенство мира, в энергию масштабных и глобальных преобразований.

Завершая своё повествование, хотелось бы остановиться на уникальном и экстраординарном явлении, парадоксально и диалектически сочетающем в себе черты обоих типов гностической традиции. Таким феноменом представляется сингулярианство как крайнее выражение трансгуманизма, точка, в которой трансгуманизм перестаёт быть логическим завершением гуманистической идеи и её предельной радикализацией и переходит в новое качество, открывающее широкие постгуманистические горизонты. Сингулярианство, с одной стороны, является типичным хилиастическим движением, видящим своей конечной целью создание постчеловека, а с другой стороны, его тотальное недоверие к посястороннему миру достигает таких величин, что вокруг него формируется дискуссионное поле, в котором всерьёз обсуждаются проекты форсированного

освоения не только ближайших по отношению к Земле планет, но и планет, находящихся за пределами Солнечной Системы; аргументация, фактически сводящаяся до незамысловатого перечисления угрожающих существованию планеты опасностей и якобы с необходимостью вытекающих отсюда выводов о том, что постчеловек, как конечный результат эволюции и венец прогресса, должен быть гарантирован от любых случайностей, а следовательно, спасён на несравненно более безопасной планете, здесь чрезвычайно характерна и симптоматична.

Подводя итоги исследования, хотелось бы сказать о том, что постоянно ускользает от нашего внимания, когда мы рассматриваем современность как поле сражения двух типов гностического мировидения. Парадоксально, но это — сам мир, необходимое условие нашего исследования, который становится всё более неуловимым и нефиксируемым. Быть может, так происходит потому, что мир в обрисованной нами картине теряет свой прежний онтологический статус, взамен обретая статус люфта, зазора между двумя конфронтующими тенденциями.

Литература:

1. Йонас Г. Гностицизм. СПб.: Лань, 1998. — 384 с.
2. Voegelin E. The New Science of Politics. Chicago.: University of Chicago Press, 1952. — 193 pp.